

МАРК ЭЛЬСБЕРГ

БЛЭК
АУТ

Москва
2019

УДК 821.112.2-312.4(436)
ББК 84(4Авс)-44
Э53

Marc Elsberg

BLACKOUT

© Marc Elsberg 2012. This edition is published by arrangement with Literarische Agentur Michael Gaeb in conjunction with its duly appointed agent Tempi Irregolari di Stefano Bisacchi. All rights reserved

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Эльсберг, Марк.

Э53 Блэкаут / Марк Эльсберг ; [перевод с немецкого Р.Н. Прокурова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-105559-2

В наше время устроить глобальный теракт не просто — а очень просто. Не нужно за огромные деньги добывать ядерный заряд. Не нужно угонять самолеты и направлять их в высотные здания. Не нужно захватывать заложников. Достаточно лишь нарушить электроснабжение в регионе. И вы увидите, что будет. Хотя лучше такого не видеть...

Холодным февральским днем по всей Европе внезапно вырубается электричество — и жизнь буквально замирает. А потом начинается дикая паника. Ведь люди абсолютно зависимы от электроэнергии. Всего за неделю Европа отброшена в каменный век, а ее просвещенное население стремительно теряет человеческий облик, борясь за выживание...

Итальянский программист и бывший хакер Пьеро Манцано находит причину обесточки — на оборудование электростанций внедрен необычный и очень действенный вирусный код. Пьеро обращается в Европол — но ему не верят. А когда в почте Манцано «случайно» находят весьма недвусмысленную переписку, его берут в жесткий оборот, посчитав одним из террористов, устроивших этот блэкаут...

УДК 821.112.2-312.4(436)

ББК 84(4Авс)-44

© Прокуров Р.Н., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105559-2

Завтра — слишком поздно.

ДЕНЬ О — ПЯТНИЦА

Милан

Пьеро Манцано рванул руль в сторону. Его «Альфа-Ромео» неудержимо летела на бледно-зеленый автомобиль, резко замерший впереди. Манцано уперся в рулевое колесо, и ему живо представилось, как обе машины сминаются с ужасающим скрежетом. Визг тормозов, калейдоскоп огней в зеркале заднего вида, мгновение перед ударом...

Время словно застыло. Почему-то в этот миг Манцано подумал про шоколад и про то, как собирался через двадцать минут принять душ, а после устроиться на диване с бокалом вина и сговориться с Карлой или Паолой насчет следующих выходных.

«Альфа-Ромео» дернулась и встала в миллиметре от бампера впереди стоящей машины. Манцано отбросило на спинку сиденья. Улица погрузилась во мрак, светофор, еще секунду назад зеленый, погас, и в глазах еще расходились радужные пятна. Вокруг гроыхала какофония из гудков и металлического лязга. Слева темноту прорезали фары грузовика. На том месте, где только что стояла зеленая малолитражка, возникла в снопе искр синяя громада. Последовал жуткий удар. Манцано врезался головой в боковое стекло. Машину крутануло, словно карусель, и тут же ее остановил следующий удар.

Ошеломленный, Пьеро огляделся и попытался сориентироваться. Одна фара еще горела, и снежные хлопья плясали в ее свете, таяли на мокром асфальте. Капот согнуло пополам. Впереди, в нескольких метрах, краснели задние огни грузовика.

На раздумья не было времени. Манцано быстро отстегнул ремень безопасности, нашарил телефон и выпрыгнул из машины.

Аптечка и знак аварийной остановки лежали в багажнике. Пьеро бегло осмотрел машину. Грузовик мало что оставил от передней части; левое колесо оказалось вдавлено в месиво из металла. «Альфа-Ромео» теперь годилась разве что на лом. Водительская дверь грузовика была открыта. Манцано обежал кабину — и замер.

В свете фар с полосы встречного движения картина представлялась еще более зловещей. Здесь тоже произошло несколько аварий. Бледно-зеленая машина была смята с водительской стороны и оказалась зажатой под бампером грузовика. Из моторного отсека — вернее, его остатков — валил пар, окутывая место аварии. Низкий коренастый мужчина в утепленном жилете пытался открыть покореженную дверь. Водитель грузовика, решил Манцано. Он подбежал к машине, и от увиденного к горлу подступил ком.

От удара водительское кресло сорвало с креплений и опрокинуло на колени женщины на пассажирском сиденье. Водитель безжизненно повис на ремне, голова была вывернута под неестественным углом, лицо уткнулось в обмякшую подушку безопасности. Под креслом были видны только руки и голова женщины. Лицо ее заливала кровь, веки дрожали, губы едва заметно шевелились.

— «Скорую»! — крикнул Манцано водителю грузовика. — Вызовите «Скорую»!

— Нет сигнала! — отозвался водитель.

Губы женщины замерли, лишь кровавые пузырьки надувались в уголке рта с каждым выдохом, свидетельствуя о том, что она еще жива. Тем временем вокруг собралось столько народу, что свет фар едва пробивался к месту аварии. Люди стояли под снегопадом и глазели.

Манцано кричал, чтобы все расходились, но никто не двинулся с места. Казалось, они и не слышали его. Только теперь он осознал то, что произошло за миг до столкновения. Дорожное освещение, светофоры — все внезапно погасло. Потому вокруг так темно. И ночь казалась темнее обычного.

— Господи, на вас взглянуть страшно! — воскликнул человек в лыжной куртке. — Вы были в машине?

Манцано мотнул головой:

— О чем вы?

Мужчина показал на его левый висок:

— Вам нужен врач. Присядьте.

Теперь Пьеро ощутил пульсирующую боль, что-то теплое стекало с виска и по шее. У него закружилась голова.

Манцано привалился к покоруженной машине. Пока он тщетно пытался унять головокружение, в ночи разнесся пронзительный, долгий сигнал — словно последний крик о помощи.

Рим

Сигнал звучал непрерывно, в дополнение на экранах мигал целый калейдоскоп маячков.

— Черт знает что творится! — воскликнула Валентина Кондотто, лихорадочно нажимая на клавиши. — Сначала резко подскочила частота, а потом сработало аварийное отключение. Северная Италия обесточена! Раз — и всё, без предупреждения!

Три года назад Кондотто стала системным оператором в центре управления «Терна» в окрестностях Рима. С тех пор она по восемь часов на дню следила за подачей тока на распределительные сети Италии и контролировала энергообмен с сетями соседних государств.

Перед ней на широком, шесть на два метра, экране горели разноцветные линии и клетки. Итальянская электросеть. На мониторах справа и слева высвечивались актуальные данные от сетей. На рабочем столе Кондотто еще четыре небольших монитора показывали ряды чисел, кривые и диаграммы.

— Остальная часть перешла на желтый, — отозвался Джузеппе Сантрелли, системный оператор. — Милан на линии. Они хотят поднять напряжение, но никак не добьются стабильных частот от «Энел». Спрашивают, что мы можем сделать.

— Сицилия теперь тоже на красном!

Все работало по принципу светофора. Зеленый цвет означал, что с сетью всё в порядке. Желтый означал проблемы. Красный — полное отключение. Благодаря общеевропейской системе оповещения каждый оператор в любой момент времени узнавал о критической ситуации в сети. В эпоху всеобщей интеграции, в том числе и энергосетей, это была неизбежная мера.

Значительную часть всего процесса выполняли компьютеры. За доли секунд они регулировали подачу тока, и оператору за пультом отводилась лишь роль наблюдателя. При частоте 50 герц допускались лишь незначительные колебания, в противном случае могли выйти из строя генераторы. При высоких колебаниях система автоматически отключала часть сети.

Судя по красному ареалу на большом экране, компьютер отключил от сети все регионы севернее Лацио и Абрुццо. Сицилия также пострадала. Только южная

часть Италии еще снабжалась электричеством. Более тридцати миллионов человек остались без света.

В уцелевшую часть сети внезапно хлынул ток, что привело к очередному скачку частоты и новым аварийным отключениям.

— Ух! И они тоже, — лаконично отметил Сантрелли. — Калабрия, Базиликата, часть Апулии и Кампании на красном. И глянь-ка: у французов и австрийцев тоже проблемы!

Ибс-Перзенбойг

Хервиг Оберштэттер поднял взгляд от распределительного щита и вновь прислушался. Гул генераторов эхом разносился под высокими, как в соборе, сводами электростанции.

Стоя на мостках, что опоясывали зал, Оберштэттер наблюдал за тремя красными генераторами. Их цилиндры стояли в ряд, как дома в квартале, и при этом они составляли лишь верхнюю часть всей конструкции. Генераторы выглядели массивными, незыблемыми гигантами, и все же Оберштэттер чувствовал, какая энергия буйствует в этих колоссах. Приводимые в движение гигантским валом, соединенным с лопастными турбинами, в каждом из генераторов вращались многотонные магниты — километры намотанной проволоки, сотни оборотов в минуту. В результате возникало магнитное поле, которое индуцировало напряжение на обмотку статора. Даже несмотря на техническое образование, Оберштэттер не мог в полной мере постичь это чудо. Именно здесь зарождалась сила, питающая современную жизнь. По линиям высокого напряжения, через подстанции и низковольтные линии эта сила растекалась по самым отдаленным уголкам страны. В тот миг, когда она иссякала, внешний мир замирал.

На лопасти размером с кузов самосвала подавалась вода из Дуная — более тысячи кубометров в секунду. И хотя в это время года уровень воды опускался, турбины по-прежнему вырабатывали половину предельной мощности.

Еще в школе Оберштэттер узнал, что электростанция Ибс-Перзенбойг, возведенная в пятидесятые годы прошлого века, была одной из первых и крупнейших на Дунае. Плотина шириной в четыреста шестьдесят метров перекрывала русло между Ибсом и Перзенбойгом, образуя запруду протяженностью в двадцать четыре километра. Перепад в уровне воды составлял одиннадцать метров. Но все это Оберштэттер узнал лишь девять лет назад, когда начал здесь работать. С тех пор он контролировал и оберегал красных исполинов, как собственных детей.

Оберштэттер снова прислушался. За девять лет человек приучается чувствовать оборудование. Он до сих пор не мог найти этому объяснение.

Был вечер пятницы, люди возвращались домой с работы, зажигали свет и подключали обогрев. В эти часы потребление электричества достигало пикового уровня. Электростанции в Австрии работали на пределе, и все равно им приходилось импортировать энергию. Поскольку хранение электроэнергии было сопряжено с рядом трудностей, по всему миру ее производилось ровно столько, сколько потреблялось в текущий момент. При этом различия в привычках потребителей провоцировали постоянные колебания частоты. Стабильность в сети обеспечивалась в том числе изменением скорости вращения турбин.

Оберштэттеру все вдруг стало ясно. Он взялся за ручку и доложил в аппаратную:

— Здесь что-то не так!

Сквозь треск и хрип из динамика раздался голос напарника:

— Мы тоже заметили. Частота в сети резко упала!

Гул становился громче, к нему прибавился беспорядочный стук. Оберштэттер с тревогой взглянул на гигантские цилиндры и произнес в рацию:

— Но, судя по звуку, частоты завышены. Генераторы на пределе. Сделайте что-нибудь!

Что они там болтают, какое падение частот? Генераторы перегружены. Кому понадобилось разом столько тока? Однако оборудование показывало иное: как если бы множество потребителей одновременно отключились от сети. Если частота в электросети так скакала, что это отразилось на их генераторах, значит, у кого-то возникли серьезные проблемы. Может, где-то произошло масштабное отключение? В таком случае десятки тысяч людей остались без света.

Оберштэттер с ужасом наблюдал, как генераторы сначала завибрировали, а потом загромыхали. Если скорость вращения будет слишком высокой, собственная сила инерции разрушит агрегаты. Им придется прибегнуть к аварийному отключению.

— Выключай! — проревел Оберштэттер в рацию. — Или тут все разнесет к чертям!

Он замер как замороженный перед лицом этой некротимой мощи. Шум подавлял все вокруг. Три исполинских агрегата беспорядочно подпрыгивали, и Оберштэттер ждал, что они в любую секунду выстрелят, словно клапаны компрессора, и пробьют свод.

Потом шум стал затихать.

Оберштэттер почувствовал, как спадает вибрация. Это продолжалось всего несколько секунд, но для него они растянулись в вечность.

Тишина казалась неестественной. Только теперь Оберштэттер осознал, что неоновые трубки в зале погасли. Горели только мониторы и аварийные лампы.

Браувайлер

— На севере Швеция, Норвегия и Финляндия, на юге Италия и Швейцария — все обесточены, — докладывал оператор, и Йохен Певальски смотрел ему через плечо. — Как и частично соседние страны: Дания, Франция, Австрия, а также Словения, Хорватия и Сербия. Е.ON сообщает о сбоях, Ваттенфаль и EnBW целиком на желтом уровне. Польша, Чехия и Венгрия тоже. Пятна есть и на Британских островах.

Йохен Певальски более тридцати лет проработал начальником центра управления в «Амприон ГмбХ». Комплекс был выстроен под Кёльном в 1928 году как основной пункт управления сетей электропередачи энергоконцерна RWE и долгое время был известен как «главный узел Браувайлера». На громадном, шестнадцать метров на четыре, экране пестрели красные, желтые и зеленые линии, на столах мерцали бесчисленные мониторы операторов. Эта картина каждый день напоминала Йохену об ответственности, возложенной на его команду.

В их ведении находилась вся электросеть концерна «Амприон», одного из четырех энергогигантов Германии и входящего в число крупнейших поставщиков Европы.

В то же время они координировали параллельную работу четырех крупных энергосистем Германии. Также на них возлагались координация и обеспечение баланса всей электросети в северной части Европы. На их попечении были Нидерланды, Бельгия, Болгария, Германия, Австрия, Польша, Румыния, Словакия, Чехия и Венгрия.

После либерализации рынков электроэнергетики эти задачи приобретали все большее значение и вместе с тем становились все более сложными. Электроэнергия циркулировала по всей Европе, в объемах доселе невиданных, и текла в каждый уголок, где только возникала в ней

потребность. Непрерывные отдача и прием. И Певальски опасался, что именно это равновесие сейчас разладилось.

— Это хуже, чем в две тысячи шестом, — посетовал второй оператор.

Певальски припоминал, что этот человек уже был в их команде тем вечером 4 ноября 2006 года. С верфи в Папенбурге к морю по каналам должен был пройти круизный лайнер, и Е.ОН без предупреждения отключила линию сверхвысокого напряжения. Магистраль Ландсберген — Варендорф оказалась перегружена, и произошло аварийное отключение. Это привело к сбоям по всей Европе. И хотя Певальски и его люди спешно пытались исправить положение, около пятнадцати миллионов человек остались без электричества. Прошло более полутора часов, прежде чем им и их коллегам в соседних странах удалось восстановить снабжение. Они едва избежали масштабной катастрофы.

Нынешнее положение казалось более угрожающим.

— Чехия теперь целиком на красном, — известил оператор.

Двадцать минут назад итальянцы первыми сообщили о проблемах. Одновременно со сбоем на юге серьезные трудности возникли в Швеции, а затем по всей Скандинавии. Очевидно, из-за погодных условий была нарушена работа электросетей одновременно в разных частях Европы.

— Нужно любой ценой сохранить немецкую электросеть, чтобы не обрывалась связь востока и запада, — отрезал Певальски.

В его штабе царило небывалое оживление. Операторы распределяли ток по свободным еще электросетям, направляли избыточную энергию на аккумулирующие электростанции, насколько позволяла их емкость, или при необходимости сбрасывали напряжение. И тем са-

мым вынуждали простаивать фабрики и заводы, оставляли без света тысячи людей.

Певальски наблюдал. Внезапно еще несколько линий на экране вспыхнули красным.

Он пытался сохранять внешнее спокойствие, но мысли вихрем кружили в его голове. Пока в отдаленных регионах Европы производится и потребляется электроэнергия, они смогут довольно быстро восстановить перегоревшую сеть. При полном отключении это будет не так просто. В отличие от газотурбинной или гидроаккумулирующей станции, атомный реактор или угольную электростанцию не удастся запустить в течение нескольких минут.

— Испания на желтом.

— Ладно, довольно, — распорядился Певальски. — Отсекайте немецкую сеть. — И добавил вполголоса: — Если это еще возможно.

*В нескольких километрах
от Линдау*

— Надеюсь, бензина хватит, — сказала Хлоя Тербантен.

Соня Ангстрём отвлеклась от созерцания заснеженных пейзажей и бросила взгляд на приборную панель. Они с Ларой Бондони сидели на заднем сиденье, Тербантен вела машину; на пассажирском сиденье Флёр ван Каальден хлопала себе по коленке в такт музыке из приемника.

— Может, в Германии дозаправимся для верности, — предложила ван Каальден.

Они были где-то у австрийской границы, примерно в часе езды от лыжного курорта, где забронировали домик на ближайшую неделю. Справа и слева уже обозначились отроги Альп, залитые сиянием луны, что выглядывала из-

за облаков. Время от времени Ангстрём видела очертания фермерских дворов, погруженных во мрак. Должно быть, местные жители довольно рано отправлялись спать.

Они ехали на «Ситроене» Хлои, с трудом втиснув в багажник объемные чемоданы, спортивные сумки, лыжи и сноуборды. По пути один раз уже заправлялись, выпили кофе и мило пообщались с группой шведов, которые ехали покататься в Швейцарию.

— До следующей заправки километр, — ван Каальден показала на знак у обочины. Тербантен пролетела мимо него на скорости в сто восемьдесят.

Ангстрём высматривала огни заправки, но кругом простирался лишь освещенный луной ландшафт.

Тербантен повернула к съезду.

— Наверное, по другой стороне автобана, — предположила Бондони.

В этот миг перед ними вспыхнул kaleidoscope огней. Тербантен притормозила.

— Что здесь творится?

У раздаточных колонок рядами выстроились машины, их фары выхватывали из тьмы само здание заправки. В ночное небо устремлялись несколько слабых лучей — вероятно, карманные фонари.

Они вышли из машины. Тербантен не стала гасить фары.

Ангстрём сразу почувствовала, как холод пробирается сквозь джинсы и свитер. Впереди стоял автомобиль с немецкими номерами. Соня немного говорила по-немецки. Она подошла к машине и попыталась выяснить, в чем дело.

— С электричеством беда, — ответил водитель за полупущенным стеклом.

Тот же ответ Соня получила от мужчины в комбине зоне возле одной из колонок.

— И теперь нельзя заправиться? — спросила она.